
УДК: 330.101
JEL: O 100

Пётр Ещенко

ПОИСК НОВОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ – ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Раскрыты вызовы нынешнего мирового общественного устройства, обусловившие кризис современной цивилизации. Особое внимание акцентировано на научном обосновании новой модели социально-экономического развития – решающему условию преодоления кризиса как в каждой отдельной стране, так и во всём мировом сообществе. На основе изучения происходящих в современном мире процессов глобализации, ускоряющегося расслоения общества на сверхбогатых и сверхбедных, гипертрофированного развития финансового сектора экономики, массового внедрения "цифровой торговли", "цифровых денег", "биржевых цифровых валют" и т.п. в статье анализируется роль общественных наук в процессе смены модели развития общества. По мнению автора, в настоящее время необходим интегральный подход к общественным наукам, который станет важным фактором смены развития общества и обеспечит новый виток его ускорения и обновления. Междисциплинарный подход позволит по-новому посмотреть на многие традиционные явления общественной жизни, в том числе таких категорий, как капитал, социальная справедливость, собственность и другие, что позволит преодолеть противоречия между теорией и практикой в современной жизни, в значительной мере объясняющиеся методологической несостоятельностью нынешней неолиберальной теории.

Ключевые слова: кризис цивилизации, глобальная экономика, цифровая революция, вызовы современности, интеграционный подход к общественным наукам, модель социально-экономического развития.

Происходящие в мире весомые перемены под воздействием таких факторов как: НТР, цифровизация, глобализация, финансиализация, "провалы рынка", углубление противоречий и несправедливое перераспределение богатства в пользу власть имущих требуют коррекции нынешней модели социально-экономического развития. Последняя должна быть нацелена на усиление инновационного роста, реиндустриализацию, уменьшение неравенства в распределении материальных и духовных благ, обеспечение социальной защиты всех членов общества и условий для развития человеческого капитала. Это относится как к развитым, так и к развивающимся странам, в т.ч. и к Украине. *Цель статьи* – дать характеристику кризиса современной цивилизации и раскрыть роль интеграционного подхода в исследовании

Ещенко Пётр Степанович (p.eshchenko@ukr.net), д-р экон. наук, проф.; научный консультант отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины.

© П.Ещенко, 2018

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2018. № 4: 35–56

перехода неолиберального глобального капиталистического хозяйства к новой модели социально-экономического развития.

Кризис цивилизации: есть ли выход?

Глобальная экономика преодолевает последствия Великой рецессии 2008–2009 годов уже девятый год подряд. Процесс идёт своим чередом, что служит поводом для оптимизма, считают некоторые политики и экономисты. Между тем есть немало аналитиков, скептически относящихся к будущему развитию мировой экономики. По их мнению, для этого есть три причины, или "три Д": депопуляция, делеверидж и деглобализация. Роль катализатора роста мировой экономики в период с конца Второй мировой войны до начала финансового кризиса в 2008 году играл взрывной прирост численности населения, бум кредитования, стимулировавший приток инвестиций и повышение производительности труда, а также впечатляющее увеличение объёмов трансграничных потоков товаров, денежных средств и людей. Сегодня эти три фактора переживают стремительно нисходящие тренды: в семьях заводят гораздо меньше детей, чем в послевоенные годы, банки вовсе не стремятся раздавать кредиты так, как это делали до глобального финансового кризиса, а объёмы трансграничной торговли государствами сокращаются. В течение следующих 15 лет мировое население увеличится почти на 1,2 млрд чел. На Запад придёт всего три процента данного роста. Каждый день в мире рождается более 400 тыс. чел. Эксперты ООН прогнозируют дальнейшее глобальное снижение роста численности трудоспособного населения – как до 2025 года, так и в последующие годы. И экономический подтекст такого тренда очевиден: каждый процент сокращения прироста численности трудоспособного населения снижает рост глобального ВВП на точно такую же величину. Делеверидж и деглобализация также стали мощными препятствиями для экономического роста¹.

Современный мир характеризуется усиливающимся процессом накопления и концентрации капитала в руках немногих и увеличивающимся неравенством. Существенную роль в этом процессе играет коррупция и финансовые махинации по перекачиванию денег в офшорные центры. Благодаря созданным международным институтам, юристам и менеджерам коррупция стала глобальной и работающей исключительно на элиту сверхбогачей, независимо от места их проживания и страны происхождения. Препятствием этому не стала ни либеральная экономическая теория, ни глобализация, ни цифровые технологии, что подтверждает беспристрастная статистика.

За 2017 год состояние богатейших людей выросло на один триллион долларов, что более чем в четыре раза превосходит прирост их состояния в 2016 году. В конце декабря 500 миллиардеров контролировали 5,3 трлн долл. по сравнению с 4,4 трлн долл. по состоянию на 27 декабря 2016 года. Совокупный капитал восьми богатейших людей мира сейчас составляет 426 млрд долл. Аналогичной суммой располагает беднейшая половина человечества, то есть около 3,6 млрд человек. Состояние богатейших людей увеличивается на фоне роста уровня глобальной бедности. По данным Oxfam, только за последний год доля беднейшей половины человечества в мировом богат-

¹ От иллюзорного бума к низким темпам роста: встречаем новую реальность. 15 июня 2017 г. URL: <http://www.2000.ua/v-nomere/derzhava/ekonomika/ot-illuzornogo-buma-k-nizkim-tempam-rosta-vstrechaem-novuju-realnost.htm>

стве сократилась с 0,7% до 0,2%. Благополучие 3,5 млрд самых бедных людей планеты составляет менее 10 тыс. долл. в расчёте на человека. В целом на эту категорию приходится 70% трудоспособного населения и 2,7% совокупного богатства².

Такое расслоение человечества по доходам не просто несправедливо, но и подвергает значительным угрозам экономический сектор, а также государства как таковые. Выход учёные видят во введении прогрессивного налогообложения, что уменьшит неравенство после выплаты налогов и оттолкнет богатых от накопления имущества. Кроме того, нужно облегчить доступ к образованию (необходимо для трудоустройства с более высокой зарплатой) и расширить инвестиции в здравоохранение.

Особенно быстро растут доходы в нынешних условиях господства в мире ТНК. Например, концерны США в 2016 году зарабатывают больше всех денег и экономически рентабельнее, чем все другие. Это показывает составляемый Handelsblatt список 100 самых дорогих концернов: 58 из 100 крупнейших фирм находятся в США. Подобное господствующее положение обеспечено не за счёт отдельных отраслей экономики, таких как IT-сектор, но почти всеми отраслями. Реструктурированные крупные банки США вернулись к своему былому могуществу. К 100 ведущим концернам относятся 21 финансовый институт, среди них двенадцать американских банков – но ни одного из еврозоны³.

Концентрация капитала в крупнейших ТНК является важной причиной высокой рентабельности ведущих фирм. Очень крупные и международные концерны получают выгоду от своей ценовой политики, покупательского спроса и преимуществ от своих масштабов. Поэтому рентабельность и не снижается: чем больше концерны производят, тем крупнее они становятся.

Анализ налоговых деклараций и прочих открытых источников, проведённый международной благотворительной организацией Oxfam, показал, что американские компании выводят из страны гигантские суммы в обход налоговых органов. В обнародованном в совместном исследовании Oxfam America и Institute for Taxation and Economic Policy (Институт налогообложения и экономической политики) говорится, что 50 крупнейших концернов США перевели в 2015 году в налоговые оазисы в общей сложности около 1,6 трлн долл. Это на 200 млрд больше, чем годом ранее, утверждают авторы исследования. Деньги выводились с помощью сети из более 1700 дочерних предприятий и филиалов. Важную роль в этом процессе играют лазейки в налоговой системе. Oxfam подчёркивает, что при подобной стратегии ухода от налогов фирмы действуют в рамках закона, так как налоговая система позволяет концернам уклоняться от уплаты честных взносов. Вместо установленной в США ставки налога в 35% предприятия, охваченные исследованием, платили благодаря различным лазейкам в законах в среднем лишь 25,9%, а то и меньше. Вместе с тем, по сведениям Oxfam,

² 2017 год: Бедные беднели, богатые богатели. URL: http://MIRTESEN.RU/PAD/43808282446?UTM_CAMPAIGN=-TRANSIT&UTM_SOURCE=MIRTESEN&UTM_MEDIUM=NEWS&FROM=MIRTESEN

³ Мировая держава США 29.12.2016. URL: <http://inosmi.ru/economic/20161229/238460344.html>

в 2009–2015 гг. эти фирмы потратили около 2,5 млрд долл. на лоббирование, в результате чего добились серьезных налоговых льгот⁴.

С целью извлечения более высокой прибыли ТНК переводят свои предприятия, марки, логотипы и алгоритмы в налоговые "оазисы", чтобы в этих странах зарегистрировать свои доходы, полученные по всему миру. "Эффективность" подобного новшества впечатляет. По расчётам аналитиков, за каждый евро, который фирма платит в качестве зарплаты, она получает в среднем в мире примерно 50 центов прибыли. Так, по крайней мере, это можно наблюдать в США, в Германии и Франции. В Люксембурге это выглядит иначе: фирма, уплатившая там один евро в виде зарплаты, получает прибыль в среднем в 3,5 евро. Подобная сверхприбыль является результатом самой низкой налоговой ставки, облагаемой в данной стране. Таких стран в Европейском союзе шесть: Люксембург, Ирландия, Нидерланды, Бельгия, Мальта и Кипр. Они получают в год 350 млрд евро. Деньги оседают там после того, как целые армии аудиторских фирм манипулировали этими денежными потоками. Таким образом, транснациональные корпорации в целом год за годом переводят в налоговые "оазисы" свыше 600 млрд евро. Очевидно, что раз есть выигравшие, то есть и проигравшие. В число первых входят США и крупные страны ЕС, где живёт большинство сотрудников и клиентов транснациональных концернов. Налоговые "оазисы" отнимают у ЕС в пересчёте пятую часть их прибыли от налоговых поступлений. Это соответствует ущербу в 60 млрд евро в год, из них 17 млрд евро теряет одна лишь Германия. Каждая страна имеет право на то, чтобы самой выбрать форму налогообложения. Но когда Нидерланды предлагают специально подогнанные налоговые сделки для концернов, когда Британские Виргинские острова позволяют тем, кто занимается отмыванием денег, создать анонимную фирму за один пенни, когда Швейцария незаметно хранит богатство коррумпированных элит в чемоданах, тогда эти страны крадут у других государств прибыль. В то время как остальные проигрывают, налоговые "оазисы" выигрывают: они получают деньги за свои услуги, к тому же – пусть даже небольшие – налоговые сборы, а иногда – и большое влияние на международной арене⁵.

Налоговые "оазисы" в значительной степени способствуют усилению неравенства в мире. Потому что только обеспеченные люди могут себе позволить уклоняться от уплаты налогов и при этом становиться ещё более обеспеченными. Богачи прячут в налоговых "оазисах" состояние, равное 10% мирового ВВП, – в форме банковских активов, долей в фирмах, в виде облигаций или инвестиционных фондов. Чаще всего это происходит через анонимную подставную фирму или через фонды и тресты.

США увеличивают свои доходы благодаря американскому доллару, который с большим отрывом сохраняет положение доминирующей резервной валюты. Его берут за основу 60% стран, на которых приходится 70% мирового ВВП. Американский доллар, будучи центром мировой финансовой валюты, позволяет стране-производителю мировой валюты в странах "третьего мира", на постсоветском пространстве, в т.ч. в Украине, проводить политику "энтрегизма". Суть послед-

⁴ Концерны США выводят триллионы долларов в налоговые оазисы 12.04.17. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/120373/>

⁵ Двигатель неравенства. 08.11.2017.

URL: <http://inosmi.ru/economic/20171108/240713741.html>

ней сводится к передаче национальной экономики под контроль иностранного капитала, в основном американского. Этому также способствуют и другие факторы, например, объёмы торговых сделок в долларах и доля американских активов (в частности облигаций) в резервах центральных банков.

Стимулом для роста неравенства стран и доходов в мире и внутри каждой страны стал постоянно растущий госдолг в наиболее развитых странах. Это особенно рельефно видно на примере США, где государственный долг переполз через важную психологическую отметку в 20 трлн долл. Этот долг непрерывно растёт. В абсолютном выражении, он сейчас самый высокий за всё время. Если использовать общепринятый показатель "долг/ВВП", то он сейчас самый высокий за последние 70 лет в США. Последний раз, когда он достигал отметки в 100%, был во время завершающего года Второй мировой войны. В пересчёте "на душу населения" каждый житель США должен сегодня 61300 долл. – второе по величине место в мире. Однако в пересчёте на количество налогоплательщиков, эта сумма раздувается в наши дни до 167 000 долларов⁶.

Аналитики весьма аргументировано обосновывают, что госдолг США является неподъёмной ношей для простых американцев. Но это, судя по всему, не волнует самых богатых американцев, которые и не думают его покрывать за счёт своих сверхдоходов. Подтверждением этому являются такие расчёты. Если мы возьмем 18 трлн долл. как приблизительный объём ВВП США и темпы роста, скажем, на 3,5%, то общий объём товаров и услуг увеличится за год примерно на 600 млрд долл. В то же время обслуживание госдолга обходится в 3 трлн долл. в год. Используя принцип Парето, около 80% населения являются неттоплательщиками долга, в то время как остальные 20% являются неттополучателями. По сути, выплата долга и процентов – это не просто финансовая кабала, это политическое крепостничество. Можно выпустить все деньги, какие захотите, однако производство реальных вещей не может быть достигнуто с помощью нажатия клавиши. Банкротство не решает проблему социальных потрясений и страданий масс, зависимых от долгов. Эти долги были основаны на теориях, которые появлялись на протяжении всей человеческой истории под разными личинами, но никогда не работали. В нынешнем финансиализированном, нефеодалном, неколониальном режиме на вершине пирамиды находятся современные рантие⁷.

Серьёзным вызовом в нынешнее время является бурный рост и доминирование финансового сектора экономики. По своей природе финансы призваны обслуживать реальный сектор производства, обеспечивая аккумуляцию, гибкость, эффективное распределение стоимостей в экономике. Однако гипертрофированное развитие финансовой сферы способствовало развитию системных рисков в глобальной экономике, сокращению совокупного спроса, росту спекулятивной составляющей на финансовом рынке, падению темпов развития реального сектора, дестабилизации структуры социально-экономических отношений. Современный оборот глобального финансового рынка существенно превышает объёмы созданного мирового экономического продукта, что свидетельствует о постепенном обособлении движения стоимостного богатства от его материально-вещественных форм. Это

⁶ Проблема Трампа на 20 триллионов. 05.02.17. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/118638/>

⁷ Госдолг США – неподъёмная ноша для американцев 23.03.17. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/119836/>

находит своё подтверждение в стремительном росте уровня глобального долга, который поддерживается в основном обанкротившимися правительствами, банками и потребителями.

В конце 2007 года, незадолго до всемирного финансового кризиса, вызванного слишком большим уровнем безнадежных долгов в финансовой системе, глобальный долг составлял 142 трлн долл. Для "исправления" этой проблемы центральные банки по всему миру запустили электронные печатные станки на полную мощность и к середине 2014 года накопили ещё 57 трлн долл. долга. С тех пор они так и не сбавляют обороты. Сегодня глобальный долг превышает 225 трлн долл. и составляет более 300% мирового ВВП. Кеннет С. Рогофф и Кармен М. Рейнхарт достаточно достоверно обосновали, что когда долг к ВВП превышает 90%, следует катастрофа. Глобальная эмиссия долговых обязательств в 2016 г. достигла рекордных 6,6 трлн долл., из них за 3,6 трлн долл. несут ответственность корпорации – большая часть была использована на обратный выкуп их собственных акций на самом высоком уровне⁸.

Подобные метаморфозы в значительной мере стали возможными и усугубляются в связи с оцифрованием физического мира, которое характеризуется массовым внедрением информационных и компьютерных технологий (ИКТ) во все сферы общественной и личной жизни людей. В соответствии с этим преобразуется и важнейшая сфера жизни, какой является экономика. Мир насыщается такими новыми понятиями, как "цифровая экономика", "цифровая торговля", "цифровые деньги", "цифровой банкинг", "цифровые расчёты", "биржи цифровых валют" и т.п. Вместе с этим появились альтернативные деньги типа биткойна.

Биткойн обладает рядом важных особенностей. К ним относятся следующие. *Первая.* Биткойн, как и золото, нельзя скопировать и вычислить. Его можно только добыть путём перебора чисел. Из числа получается хеш, который должен соответствовать шаблону. Шаблон периодически "сокращается", в зависимости от общего количества добытого – и, таким образом, растёт общая сложность поиска майнинга. *Вторая.* Биткойн – интернационален, тогда как все остальные валюты являются валютами конкретных стран или региональных объединений. Но для покупки биткойнов, как правило, всё-таки приходится где-то регистрироваться, и, может даже, верифицировать номер телефона. Однако после покупки все неудобства заканчиваются. *Третья.* Создание биткойна, его обращение и использование находится вне сферы контроля со стороны денежных властей, так как участники сообщества частной цифровой валюты общаются между собой по электронным каналам связи (интернет). *Четвёртая особенность* биткойна состоит в том, что он является и валютой, и товаром, и ценной бумагой и даже средством накопления и, как следствие, спекуляцией. Перечислены и другие специфические черты биткойна, который, с точки зрения классической экономической теории, не обладая реальной стоимостью, имеет пока относительно устойчивую тенденцию роста в цене.

Очевидно, что рост биткойна продолжится. Это обусловлено тем, что его количество растёт гораздо медленнее, чем объём рынков товаров и услуг, которые обслуживает данная "валюта". Биткойн бу-

⁸ Предвзятый прогноз на 2017 год 18.01.17. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/118061/>

дет в целом дорожать ещё и потому, что его объём, в отличие от противостоящей ему долларовой массы, ограничен. Всего будет эмитировано 21 миллион биткойнов. Вместе с тем, биткойн ничем не обеспечен, тогда как американский доллар поддерживается самой мощной армией в мире. Биткойн и другие криптовалюты, включая лайткоин, эфириум и другие анонимные валюты, – это спекулятивная игра, ведущая к финансовому пузырю нового типа. Ведь совершенно очевидно, что тот, кто имеет право владения инструментом их производства, будет владельцем всего мира. Электронные деньги и средства контроля над субъектами хозяйственной деятельности и каждым человеком станут реальной технологической основой для абсолютной власти. Отсюда можно сделать вывод, что биткойн – приговор денежной политике либерализма, заведшей мир в тупик. Электронные записи и электронные транзакции банков делают людей полностью незащищёнными, так как в руках их производителей концентрируется вся информация о держателях счёта.

Всё большее количество учёных это понимают и акцентируют внимание на необходимости осознания всего характера порабощения народов финансовым капиталом и таким его инструментом, как электронные деньги. Когда клиент будет полностью "эмансипирован" от наличных денег, из него можно вить веревки. Можно безакцептно списать деньги со счёта (например, под видом каких-нибудь штрафных санкций), можно заблокировать счёт, можно ограничить объём и спектр операций. Всё это можно сделать в любом случае, когда хозяевам денег что-то не понравится в поведении клиента или его мысли покажутся "подозрительными". Как видим, благими намерениями мостится дорога в ад. В данном случае – электронно-банковский ад⁹.

Развитие технологий, внедрение роботов будет означать повышение эффективности и снижение производственных затрат. Вместе с этим будут возрастать и новые проблемы. Для рабочих во многих сферах деятельности это означает потерю рабочих мест. Исследование Оксфордского университета показывает: до 47% рабочих мест в странах Запада могут исчезнуть уже в течение двух десятилетий¹⁰.

Кроме того, новые рабочие места потребуют новых навыков: знания информационных технологий и умения работать с компьютером. Переход к постиндустриальному укладу, в чём убеждает серия экономических кризисов и стагнация зарплат формирует малообеспеченный и незащищённый класс людей – прекариат. Рост безработных и малообеспеченных понизит покупательную способность и приведёт к экономическому спаду, а значит, станет угрозой существующему рыночному капиталистическому укладу. Для спасения последнего необходимо незанятой рабочей силе создать рабочие места или всех работников перевести на сокращённую рабочую неделю. В этих условиях учёные, бизнесмены, политики стали поддерживать новый формат соцгарантий – безусловный основной доход (БОД), который покрывает самые элементарные нужды и выплачивается гражданам без каких-либо условий. В 2017 году на сторону безусловного дохода встали Билл Гейтс, Марк Цукерберг, Ричард Брэнсон, глава бизнес-

⁹ Смерть денег: датский прецедент. О расширении территории электронно-банковского концлагеря. 28.12.16. URL:

<http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/117569/>

¹⁰ "Получаешь деньги – не делаешь ничего": год всеобщему доходу в Финляндии 07.01.18. URL:

<http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/127256.>

инкубатора Y Combinator Сэм Альтман, эксперт по ИИ Эндрю Ын и другие известные предприниматели и учёные, в т.ч. Нобелевские лауреаты по экономике. Все они считают безусловный доход естественной необходимостью в условиях тотальной автоматизации¹¹.

Вместе с тем среди учёных отсутствует единство мнений о БОД. Одни называют его "финансовой подушкой безопасности" во времена неопределённости. Другие считают, что при безусловном базовом доходе, растущем по мере роста производительности, как справедливой доле всё более роботизированной экономики, будущее, наконец, станет благоприятным местом для человечества. Некоторые полагают, что базовый доход разрушит традиционную систему социальных гарантий и сделает бедных ещё беднее.

В нынешних условиях всё более острыми становятся дискуссии между либералами и протекционистами о глобализации, её воздействии на национальные экономики. Всё чаще звучат призывы к разумному протекционизму с целью защиты национальной экономики во внешнеэкономических отношениях. Европейские страны считают, что глобализация подвергает их экономики существенным рискам, защитой от которых является умеренный протекционизм. Правда, это прикрывается определённой словесной изощрённостью типа "речь идёт не о закрытой системе и изоляционизме, а об открытой игре по принципу свободного движения товаров".

Далеко не все учёные и эксперты согласны с оптимистическими прогнозами на 2018 год и на будущий период. Стефан С. Роач (Stephen S. Roach) считает, что для этого имеются серьёзные причины. Мир стоит на пороге завершения трёх мегатенденций: нетрадиционная монетарная политика, зависимость реальной экономики от финансовых активов, потенциально дестабилизирующий арбитраж на рынке глобальных сбережений. Под угрозой оказался сам фундамент, лежащий в основе нынешнего оптимизма. Автор обращает внимание на раздутые балансы центральных банков, чего раньше не было. По данным Банка международных расчётов, с 2008 по 2017 год совокупные активы на балансах центральных банков в крупнейших развитых странах (США, еврозона и Япония) выросли на 8,3 трлн долл. Поскольку номинальный ВВП в тех же самых странах вырос за этот период лишь на 2,1 трлн долл., оставшиеся 6,2 трлн долл. избыточной ликвидности вызвали искажение цен на финансовые активы по всему миру. Важно учесть и то, что реальная экономика искусственно стимулировалась искажёнными ценами на финансовые активы. В таких условиях слишком медленная нормализация монетарной политики лишь продлит данную зависимость. А когда балансы центральных банков в конце концов начнут сокращаться, страны, чья экономика зависит от финансовых активов, вновь окажутся в опасности. При этом риски, по всей видимости, будут сегодня намного серьёзней, чем десятилетие назад, и не только из-за возникшего навеса раздутых балансов центральных банков, но и из-за переоценённости активов¹².

Аналитики, занимающиеся изучением долгосрочных глобальных тенденций с учётом действия циклического мирового экономического кризиса и наличия острых противоречий во многих регионах мира,

¹¹ См.: Идея просто так раздавать деньги нравится уже почти всем. 10.01.18. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/127322/>

¹² В 2018 году оптимистов ждёт суровый экзамен. URL: <http://inosmi.ru/economic/20171221/241029736.html>

предусматривают, что предстоящее 20-летие вполне вероятно будет характеризоваться в среднем более низкими темпами роста внутреннего валового продукта, расходов на потребление и темпами роста численности населения. Практически не вызывает сомнений, что в ближайшие десятилетия все ведущие государства ожидает тяжелейший глобальный кризис. Выход из него может длиться продолжительное время, вплоть до 7–15 лет. По их мнению, подобная ситуация в мире будет определять политический ландшафт в течение следующих пяти лет. Ожидается заметное усиление напряжённости и конфликтности во всех регионах. Эта конфликтность будет носить как международный, так и внутривосточный характер. Вероятно, следующее пятилетие войдёт в историю, как пятилетие глобального беспорядка. Он охватит всю мировую систему. В каждом регионе глобальный беспорядок будет иметь свои специфические черты¹³.

Анализируя происходящие мировые процессы, их всёвозрастающие и многообразные противоречия, внимания заслуживают выводы, сделанные Джульетто Кьеца. Складывающуюся ситуацию в мире он назвал кризисом цивилизации. Этот процесс, который начался тридцать лет тому назад, очень быстро развивался. Дело в том, что Запад старался соединить западный и весь иной мир в одном идеологическом, культурном и экономическом пространстве. Это не получилось и не могло получиться, потому что глобализация по-американски в том виде, как она была задумана, невозможна в принципе, поскольку она перечёркивает историю разных народов, как бы отменяет её. Но это несовместимо с природой людей и попросту нарушает законы природы. Глобализация и унифицирование идей могут распространяться лишь до некоторого предела. Но этот предел американская, англосаксонская культуры не видели, а потому и не учитывали. Ведь они доминировали в течение трёх с лишним веков, это долго, это выработало привычку: "Мы доминируем, мы – выше, лучше остальных". Это расистская идея, которая как раз и родилась потому, что мы, западные люди, доминировали веками. Остальной мир был ограблен Западом. Мы, западные люди, думали, что так будет бесконечно, потому что в течение трёх веков мы доминировали. Но вдруг в мире появляются гиганты, которые могут не только сказать "я не согласен" и защититься, но и дать отпор. И раньше были несогласные, но они не могли постоять за себя. Индия, например. Целый континент мы завоевали, забирали там всё и делали, что хотели. Но вот появляются такие политические силы, как Китай... И продолжение ограбления уже невозможно¹⁴.

Возникает вопрос: есть ли выход из кризиса цивилизации? Да, такой выход есть и его следует искать в смене модели развития общества.

Интегральный подход к общественным наукам – путь к смене модели развития общества и новому витку его развития

В нынешних условиях всё большее внимание учёных акцентируется на месте и роли общественных наук в процессе смены модели развития общества. Действуя разрозненно, они не способны в полной мере познать природу новых вызовов. Последние, как свидетельствуют

¹³ Разведка США: преступность, терроризм и новые технологии ближайшего будущего 10.04.17. Терроризм: факты и движущие силы. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/120304/>.

¹⁴ Ограбление по... конец абсолютному доминированию? URL: http://zavtra.ru/blogs/ograblenie_po

нынешние реалии, порождают противоречия между разными странами, внутри каждой из них, отдельными культурами в традиционном понимании этого слова в условиях перехода к технологиям новой зарождающейся промышленной революции. Производимые научно-технологические и социально-хозяйственные условия требуют более широкого взгляда как для рассмотрения контуров нового мироустройства, так и для соотношения и взаимосвязи между экономической теорией, экономической социологией, экономической психологией, экономофизикой, правом и пр. На это обращают внимание многие учёные. Изменения, происходящие в содержании экономических процессов, пишет А. Гриценко, требуют иной организации научной деятельности, которая бы обеспечивала соединение фундаментальных и прикладных разработок, с привязкой к состоянию конкретного объекта и ко времени (2008. С. 45). Автор считает, что в нынешних условиях экономические знания всё больше приобретают сетевой характер, в котором теряется единство экономической теории и её исходных принципов, "размываются" границы её собственного предмета, происходит взаимопроникновение наук, утрачиваются строгие критерии отбора профессиональных знаний. Экономический империализм оборачивается колонизацией разных частей экономической теории другими отраслями знаний. Постоянное отставание теории от реальных изменений в экономике, вследствие их динамизма, производит впечатление перманентного кризиса в экономической теории (Гриценко, 2008. С. 54).

С этим следует согласиться, как и с тем, что "экономическая наука, по справедливому утверждению М. Алле, представляет лишь часть более обширного целого – социальных наук. ... Социальные науки могут добиться сегодня больших успехов только на пути синтеза" (Алле, 1995. С. 98). Подобную точку зрения отстаивают и другие обществоведы, в т.ч. представляющие такое научное направление, как наноэкономика, объектом изучения которой служит отдельный индивид. Наноэкономика опирается на достижения психологии, социологии, истории, эргономики, аксиологии (науки о ценностях, то есть о значимости тех или иных объектов и условий для человека или социальной группы), менеджмента и других дисциплин, среди которых основную часть составляют гуманитарные (Клейнер, 2004. С. 79–80). Возрастает актуальность исследования вопросов соотношения права и экономики (Алпатов, 2012. С. 67–76; Больсевич, 2008. С. 60–71). Настало время, по мнению всё возрастающего количества научных работников, прекратить регулирование разделения труда в социальных науках. Ныне всё ощутимее происходит процесс интеграции экономической, социальной, философской, психологической и других наук. С конца 1980 – начала 1990-х годов всё большей популярностью и влиянием в социологической науке пользуется "новая экономическая социология", демонстрирующая новый методологический подход к исследованию современных проблем человечества не в традиционных рамках "экономика и общество", а в новых рамках "общество и экономика". Перемена мест в названной дихотомии подчёркивает интеграцию экономического в социальное и стала лозунгом нового направления в экономической социологии, пионером которой считается М. Грановеттер. Однако её появление и становление не отменяет вклад в развитие обществоведения классиков "старой" экономической социологии в лице К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др.

В середине 80-х годов XX века возникают новые научные направления: экономика соглашений, эволюционизм, социэкономика.

М. Шабанова считает, что социоэкономика изучает характер и закономерности двусторонних связей между экономическими и социальными аспектами воспроизводства разных систем (от фирм и домохозяйств до общества в целом) и пытается дать (там, где это возможно и необходимо) экономическую оценку этим связям на основе, во-первых, сопоставления широко понимаемых затрат и результатов и, во-вторых, учёта определённых социальных ограничений. Социоэкономика позволит выработать научное знание (теоретико-методологические основания и методические инструменты), создающие реальные предпосылки для взаимного усиления экономических и социальных факторов развития, помогать по-новому взглянуть на пути решения "старых" проблем, обнаруживая незадействованные социальные источники экономического развития (Шабанова, 2010. С. 79–80). Обращает на себя внимание то, что перечисленные направления в центр своих исследований ставят человека, определить и реализовать потребности и интересы которого в нынешних условиях можно лишь на основе объединения экономической и социологической наук. При этом некоторые учёные считают, что раньше экономические феномены доминировали и в значительной мере формировали мышление людей. По мнению Е. Балацкого, экономические факторы были первичными, а ментальная сфера – вторичной. Соответственно экономика была лидером среди социальных наук, а социология занимала подчинённое положение. Теперь положение кардинально изменилось – национальные стереотипы мышления определяют направления развития экономики. Ментальность стала первичным фактором, а экономические процессы – вторичным. Социология передвигается на первую позицию среди социальных наук, а экономика отходит на задний план. ... Модельные описания, предлагаемые экономистами, в последнее время довольно быстро устаревают, а другие открытия в экономике просто-напросто не признаются. Кроме того, понять выводы социологов проще, чем выводы экономистов, ибо у первых это чистый слепок общества, а у вторых – сложная цепочка неявных причинно-следственных связей и силлогизмов. Наконец, достижения экономистов, как правило, не могут быть напрямую использованы каждым конкретным человеком (а порой и национальными правительствами), в то время как социологические знания могут использоваться даже в бытовой жизни (Балацкий, 2006. С. 65, 67).

К. Хубиев считает, что социализация предмета экономической теории через институты является правильным направлением. Но оно должно быть развито в контексте альтернатив развития экономической теории. В частности, политическая экономия даёт свое видение социальной конкретизации экономических субъектов. Более того, она даже определяет основы институционализации общества. Поэтому плодотворным направлением экономических исследований видится исследование взаимосвязей экономических законов, отношений и институтов (Хубиев, 2006. С. 47–53, 51). Данная точка зрения заслуживает особого внимания в нынешних условиях в связи с тем, что в вузах нашей страны игнорируется такая научная дисциплина, как политическая экономия. Представляется, что в связи с цифровизацией всех сфер жизни современного общества, экономической в том числе, распространения новейших технологий, радикально меняющихся производительных сил и социальной организации общества актуализируется проблема изучения новых экономических форм организации

от микро- до мегауровней и нарастающих тенденций социализации общества.

Архаичными ныне являются воззрения ряда экономистов, утверждающих, что стандартная модель экономики работает так, словно общественные нормы, культура и коллективные убеждения не оказывают большого влияния на сущность экономики. Поэтому вполне справедливыми являются утверждения Каушик Басу о том, что общественные нормы и культура не только не имеют значения, но во многих случаях более важны для определения того, как быстро она будет расти, нежели стандартные экономические перемены (вроде налоговых ставок и дефицита бюджета) (Басу, 2014. С. 81–82).

Внимания в нынешних реалиях заслуживают выводы Карла Полаanyi о том, что "экономические мотивы" порождаются общим контекстом социальной жизни. Экономическая деятельность человека, по мнению учёного, как правило, полностью подчинена общей системе его социальных связей. Человек действует не для того, чтобы обеспечить свои личные интересы в сфере владения материальными благами, он стремится гарантировать свой социальный статус, свои социальные права, свои социальные преимущества, материальные же предметы он ценит лишь постольку, поскольку они служат этой цели (Полаanyi, 2002. С. 58–59).

Современная хозяйственная практика в ряде стран убеждает, что структурные деформации в экономике, замедление темпов её развития, неоправданный разрыв в доходах граждан могут быть разрешены путём оптимального соотношения и взаимодействия экономики и политики. Развитие общества в значительной мере зависит от теоретического механизма, места в этом процессе многообразных (а не только экономических) интересов субъектов хозяйственной деятельности и государства, принципов, на которых базируется социально-экономическая политика, методов хозяйствования. В силу этого весьма важно объединение экономических знаний и знаний других общественных наук, в том числе экономической социологии и экономической психологии. Подтверждением этому стало присуждение Нобелевской премии по экономике 2017 года профессору Чикагского университета Ричарду Талеру с формулировкой "за вклад в изучение поведенческой экономики".

По мнению Шведской Королевской Академии наук, научные труды этого учёного, в т.ч. книга "Плохое поведение: как возникла поведенческая экономика", вышедшая в 2015 году, позволили "построить мост между экономическим и психологическим анализом принятия индивидуальных решений". В так называемой "теории подталкивания" ("управляемого выбора") учёный сформулировал понятие "либертарианский патернализм" – стратегию, ориентированную на то, чтобы подвигнуть человека к оптимальному выбору, продиктованному разумом, а не чувствами или сиюминутными желаниями. Талер обосновывает, что строгие формулы классической теории, в том числе Чикагского университета, оказавшие колоссальное влияние на экономическую науку во второй половине XX века, ошибочно исходят из того, что "люди являются высокорациональными – суперрациональными – существами, лишёнными эмоций. Они якобы могут всё рассчитывать, как компьютер, и у них якобы нет проблемы самоконтроля". По мнению Талера, люди далеко не всегда ведут себя так, как это видит стандартная экономическая теория. Потребители, например, по-разному относятся к одним и тем же денежным суммам в зависимо-

сти от источников, из которых получены эти деньги (зарплата, процент на вклад, выигрыш в лотерее, подарок и т.д.). Регулярные доходы обычно используются для покупки предметов первой необходимости, а нерегулярные имеют тенденцию уходить на более легкомысленные расходы. Соответственно, два человека с абсолютно одинаковым доходом, но разными источниками дохода будут тратить или сберегать деньги по-разному, и поведенческая экономика может примерно предсказать, как именно. Исходя из этого понимания, коммерческие компании и государственные ведомства могут прогнозировать экономическое поведение людей и влиять на него. Талер назвал это "психологическим учётом" (*mental accounting*)¹⁵.

Интегральный подход к общественным дисциплинам даёт возможность по-новому посмотреть на многие традиционные явления, в т.ч. такой категории, как капитал. Понимание сущности капитала как наиболее сложного феномена современности обусловлено весьма сложной внутренней его структурой в современных условиях. Это – во-первых. Во-вторых, сегодня капитал есть наиболее политически идеологизированной категорией. Она большей частью рассматривается в экономической теории. Однако в тех формах обмена, которые экономисты отвергают как "неэкономические", имеют место другие виды капитала, которые играют не меньшую роль в структурировании социального мира.

Инвестирование и конвертация разных форм капитала образуют, по определению Пьера Бурдьё, другую экономику – экономику практик, которая остаётся для экономической науки незаметной и непознанной. Ныне для построения науки об экономике практик вводятся такие понятия, как "социальный капитал", "культурный капитал" и другие его формы. Важно на нынешнем уровне выяснить, какова роль и влияние разных форм капитала на социально-экономическую жизнь разных стран и их граждан. Объяснить структуру и функционирование социального мира, по мнению учёного, невозможно, если не ввести понятие "капитал" во всех его формах, а не только в той, которая признаётся экономической теорией. Экономическая теория позволила навязать капиталу определение из арсенала хозяйства практик (*есопоту of practices*), являющееся историческим изобретением капитализма. Сводя бесконечный мир обменов (*universe of exchanges*) к коммерческому обмену (*mercantile exchange*), объективно и субъективно ориентированному на максимальную прибыль, то есть (в экономическом смысле) *преследующий свой, эгоистический интерес (self-interested)*, она подспудно определила все другие формы обмена как неэкономические и, следовательно, *не движимые в своей основе интересом (disinterested)*. В частности, экономическая теория определяет как свободные от личного интереса те формы обмена, которые обеспечивают *видоизменение (transubstantiation)*, в результате которого наиболее материальные типы капитала (экономические в узком смысле) могут выступать в нематериальной форме культурного или социального капитала, и наоборот (Бурдьё, 2014. С. 294–295).

Социальный капитал, по мнению П. Бурдьё, представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с об-

¹⁵ См.: Поведенческая экономика — орудие политики. Потребительское поведение людей определяют психологические факторы. URL: <http://www.mk.ru/economics/2017/10/22/povedencheskaya-ekonomika-orudie-politiki.html>

ладанием устойчивой сетью (*durable networks*) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, иными словами – с членством в группе, которая даёт своим участникам опору в виде коллективного капитала (*collectively – owned capital*), "репутации", позволяющей им получать кредиты во всех смыслах слова. Эти отношения могут существовать только в практическом состоянии, в форме материального и (или) символического обмена, который способствует их поддержанию (*Бурдьё, 2014. С. 305*). Объём социального капитала, подчёркивает учёный, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объёма капитала (экономического, культурного или символического), которым в свою очередь обладает каждый из тех, кто с ним связан... Сети связей необходимы для построения и воспроизведения длительных, полезных отношений, позволяющих сохранять материальную или символическую прибыль (*Бурдьё, 2014. С. 306–307*).

Особая роль в современной общественной науке отводится человеческому капиталу. Подобная категория известна давно. В своё время Адам Смит обращал внимание на то, что работники в процессе трудовой деятельности, обучения и т.д. развивают своё умение, получают новые знания, навыки, что способствует повышению экономической ценности предприятия. Начиная со середины XX века, концепция "человеческого капитала" получила новое звучание. Её трактовка сводилась к единству знаний и квалификации, что превращало последние в важнейшие факторы производства и преобразования экономики. Во второй половине XX столетия концепция человеческого капитала трансформировалась в концепцию "расширения человеческих возможностей" – возможностей, замещающих материальное и экономическое благосостояние. Из этой теории непосредственно следует, что цель развития заключается не только и даже не столько в том, чтобы увеличить производство и потребление; главное – предоставить человеку "возможность выбора", реализуемую прежде всего в здоровой жизни, в её долголетию, в свободном развитии интеллектуальных и всех иных творческих способностей. Н. Римашевская обосновывает, что концепция "человеческого капитала" сыграла определяющую роль в процессе перехода от "экономического роста" к "человеческому развитию". Конечная цель развития – это не уровень дохода, а расширяющийся человеческий выбор в области здравоохранения, образования, экономической и общественной деятельности. Есть три ключевые потребности: 1) в долголетию и здоровье; 2) в получении знаний; 3) в доступе к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни. Их удовлетворение – условие реализации политических и экономических свобод (передвижения и выбора места жительства, создания семьи, творчества и др.) (*Римашевская, 2004. С. 23–24*). В научных работах и многих стандартных учебниках по экономике фактически достигнутые результаты в бедных и богатых экономиках измеряются с точки зрения личной способности "делать определённые базовые вещи", такие как удовлетворение "потребностей в питании", а также с точки зрения возможностей личности реализовать свои более тонкие способности и таланты, порождающие более сложные фактические результаты. Здоровье и здравоохранение рассматриваются как "особые товары". Вилфред Долфсма – автор работ на пересечении "права и экономики", анализа социальных сетей и институциональной теории – один из тех, кто в экономический рост включает

оптимальное благосостояние людей, достигнутое благодаря сокращению бедности в абсолютном и относительном выражении, а также её причин. Развитие состоит в совершенствовании способностей и талантов или в свободе достижения, сокращении неравенства в способностях вследствие раскрепощения, расширения агентской свободы тех, кто находится в невыгодном положении (*Долфсма, 2017. С. 67*).

Воспроизводство человеческого капитала, его развитие возможно лишь на основе единства экономического и социального процессов, что предусматривает развитие экономики, социальной сферы и создания благоприятных условий жизни для улучшения социальных условий жизни для всех членов общества. Только на основе подобного единства возможно добиться социальной устойчивости, стабильности экономики и общества, а значит, осуществить многовековую мечту человечества о социальной справедливости. Данная категория является междисциплинарной и относится к экономике, философии, этике, социологии, психологии и праву.

Одним из определяющих показателей социальной справедливости в экономике является качество жизни населения. Ясно, что последнее является следствием уровня развития экономики, её эффективности. Поскольку страны мира имеют не одинаковый уровень экономического развития, то и социальная справедливость в обществах разных стран на различных этапах развития человечества будет разной. Это означает, что социальная справедливость как общечеловеческая ценность имеет исторические и национальные особенности. При этом на их специфику значительное влияние оказывают многообразные факторы: социальные, философские, политические, культурологические и др.

Для целей концептуального обоснования стратегии формирования и развития социально рыночной системы в Украине, по мнению О. Ярёмченко, необходимо рассмотреть экономическую эффективность и социальную справедливость как сопряжённые сущности в контексте локальных и глобальных трансформаций. Справедливость – это степень реализации ценностно детерминированных ожиданий субъектов относительно их статуса, доступа к общественным ресурсам, труду и доходам и другим существенным условиям их жизнедеятельности. Справедливость отражает уровень социального порядка, имеющего минимальную энтропию. Справедливость имеет два измерения – положительный и отрицательный. Положительное измерение ориентируется на равный доступ членов общества к результатам функционирования хозяйственной системы. Отрицательное измерение справедливости отражает требование равномерного распределения бремени расходов и потерь для всех членов общества в кризисных или катастрофических условиях. По мнению автора, внешними условиями достижения социальной справедливости (внешними в том смысле, что они независимы от содержания справедливости как таковой) являются три момента: общеэкономическая и социальная инфраструктура, социально-экономические институты, система логистики (*Ярёмченко, 2016. С. 21*). Ведущиеся научные дискуссии вокруг названных проблем пока не привели к единству мнений, а значит, и к практическому их решению. Например, к таковым следует отнести трактовку понятия равенства, с одной стороны, а с другой – раскрыть содержание и формы проявления, казалось бы, вечной формулы "каждому по заслугам". Критерии социальной справедливости в разных странах и на разных этапах исторического развития определяются далеко не научным способом. Ска-

жем, представители высших слоёв общества считают, что социальная справедливость должна дифференцироваться по сословному принципу. Обстоятельно и весьма убедительно об этом написал К. Басу: "Модель системы свободного рынка, которая преобладает в промышленно развитых странах и к которой стремятся прочие государства, характеризуется тем, что в такой системе сокращается то, что является общей собственностью всех людей на равных основаниях, а мировые ресурсы всё больше разделяются и распределяются таким образом, что каждая часть оказывается принадлежащей неким индивидам по праву собственности. В большинстве случаев право на владение этими частями и доходами с них, простирающимися на далёкое будущее, принадлежит небольшой группе населения вместе с правом завещать их кому угодно (обычно своему потомству). Это означает, что в такой системе будут люди, родившиеся в гетто или трущобах и не имеющие наследства, и будут люди, родившиеся с огромным богатством, получающие превосходное образование практически с момента рождения. И поэтому о конкуренции между этими двумя классами людей не может быть и речи. Первые будут практически лишены возможности "добиться успеха", тогда как вторым будет сложно этого не сделать. Судьба тех, кто рождён в бедности, омрачена с самого начала, их положение всё более отчаянно, поскольку общие ресурсы, доступные будущим поколениям людей, не имеющих наследства, сокращаются из-за того, что чем дальше, тем больше переходят во владение частных лиц, которые оставляют их своим детям" (Басу, 2014. С. 387–398). Понимая подобную ситуацию, подчёркивает К. Басу, прогрессивно думающие аналитики предлагают ввести закон о запрете наследства. Согласно этому закону средства каждого индивида с момента его смерти переходят к государству – например, в некий фонд, являющийся общей собственностью всех граждан (Басу, 2014. С. 382).

У многих людей существует три вида представлений о принципах распределения: по труду, равномерно, на капитал. Вместе с этим дискуссионной является проблема благосостояния, его измерения и распределения. По мнению многих обществоведов, экономическое благосостояние теряет способность заменить в теории и на практике общее благосостояние, которое охватывает такие общественно значимые блага, как образование, здоровье, культура, творчество, безопасность и др. Вопрос об измерении общего благосостояния оказался сложным для экономистов, привыкших оперировать стоимостными категориями. Решение этой проблемы некоторые исследователи видят в создании интегрального показателя общего благосостояния. Для его измерения предлагается *временная* концепция, которая базируется на постулате абсолютной ценности человеческой жизни. Из неё следует, что благосостояние измеряется не деньгами, а естественными единицами жизни, т.е. единицами времени. Данный подход развивает методологический принцип классической школы, устанавливающий прямую связь между меновой стоимостью продукта и массой овеществлённого в нём рабочего времени. Поскольку, как установлено классиками, рабочее время преобразуется капитализмом в экономическое благосостояние, логично предположить, что всё время человеческой жизни представляет общее благосостояние. Тогда общественное благосостояние равно совокупности времени человеческой жизни всех членов общества. Сущность временной концепции благосостояния заключается в понятии "время человеческой жизни", которое означает суммарную продолжительность высшей, творческой,

собственно человеческой деятельности индивида. К ней не относится низшая деятельность: сон, физический труд, пустое времяпрепровождение и др. Время человеческой жизни выступает как *созидательное время*, а благосостояние – как *результат* его использования (Корнейчук, 2004. С. 77).

На рубеже XX и XXI веков вышел ряд работ, в которых даётся определение интеллектуальному капиталу как теоретической категории, его места и роли в рыночной стоимости той или иной компании. К интеллектуальному капиталу некоторые авторы относят научные кадры, заводские марки, товарные знаки и т.п. Немало исследователей под интеллектуальным капиталом подразумевают лидирующие позиции в области исследования новых технологий, непрерывное повышение квалификации персонала и даже оперативность выполнения заявок клиентов на техническое обслуживание и ремонт поставляемого оборудования. Лейф Эдвинссон и Майкл Мэлоун доказывают, что интеллектуальный капитал – это корни компании, скрытые условия развития, таящиеся за видимым фасадом её здания и товарного ассортимента. К таким условиям авторы относят: человеческий капитал и структурный капитал. Первый представляет собой совокупность знаний, практических навыков и творческих способностей служащих компании, приложенных к выполнению текущих задач. Другими его составляющими являются моральные ценности компании, культура труда и общий подход к делу. Человеческий капитал не может быть собственностью компании. В категорию структурного капитала авторы включают техническое и программное обеспечение, организационную структуру, патенты, торговые марки и всё то, что позволяет работникам компании реализовать свой производственный потенциал. Структурный капитал также включает в себя отношения, сложившиеся между компанией и её крупными клиентами. В отличие от человеческого капитала, структурный капитал может быть собственностью компании, а следовательно, и объектом купли-продажи (Эдвинссон, Мэлоун, 1999. С. 434).

Вступив в новый этап цивилизации, на котором движущей силой являются ценности, создаваемые знаниями, Тойичи Сакайя называет этот этап обществом, базирующимся на знаниях-ценностях (knowledge-value society). В этой связи, по мнению учёного, возникают вопросы: как исчислить ценность знания как одного из факторов производства?; и что представляет собой стоимость, созданная знанием? Однако наиболее важно то, что сотворение созданной знанием стоимости является процессом, при котором труд и средства производства оказываются неразрывно связанными; сам человек становится главным средством производства (Сакайя, 1999. С. 348, 356).

Очевидно и то, что в нынешних условиях информационно-технологической революции (ИТР) продукты творческого труда в отраслях науки, образования, культуры, имеющие социальную значимость и занимающие всё более важное место в общественном продукте, должны найти адекватную меру ценности. Вместе с этим носители данного вида труда, количество которых стремительно возрастает, должны стать реальными субъектами собственности. Это – отражение уровня развития производительных сил и исторической специфичности отношений собственности, на что обращал внимание ещё К. Маркс. Он подчёркивал, что собственность нельзя рассматривать как самостоятельное отношение, не зависимое от исторически определённого способа производства. "В каждую историческую эпоху собственность развива-

лась различно и при совершенно различных производственных отношениях" (*Маркс, Энгельс, 1955. С. 168*). Фактически существующие отношения собственности закрепляются законом и защищаются государством. Следовательно, реально осуществляемые отношения собственности приобретают форму юридических отношений.

Не вызывает сомнений, что теория прав собственности в реалиях нынешнего мира требует междисциплинарного подхода, что безусловно получит соответствующую трактовку. Ныне ряд учёных дают весьма разные определения собственности. Например, Г. Родина утверждает, что "собственность в "новой" экономике осталась многогосубъектной и стала многообъектной. Но самое главное то, что интеллектуальная собственность, интеллектуальный капитал, определяемый воплощённым в человеке знанием, замещает частную собственность и денежный капитал, игравший ключевую роль в индустриальном обществе. В "новой" экономике капитал и работник сливаются, то есть происходит органическое соединение работников со средствами производства, прежде всего в ведущих народнохозяйственных отраслях" (*Родина, 2006. С. 24*).

Новые подходы к отношениям собственности в значительной мере обусловлены тем, что труд, который до третьей промышленной революции считался общей для всех товаров мерой стоимости, в экономике знаний не поддаётся измерению в единицах времени. Определяющим результатом всеобщей цифровизации современной общественной жизни является то, что в "новой экономике" всё меньше реального сектора экономики и всё больше многообразных услуг нематериального характера, неосязаемых активов типа биткойнов и финансов. Ускоренный рост продуктов нематериальной экономики является причиной существенных изменений, которые происходят в отношениях собственности. Примером этому является то, что компьютер и Интернет становятся общественным достоянием, что по существу позволяет всё возрастающему количеству людей разных стран мира приобретать знания в личное пользование. На место наёмного рабочего, получающего заработную плату, приходит трудящийся-производитель, который приглашён сам заботиться о своём образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т. д. На место эксплуатации заступают самоэксплуатация и самосбыт "человек-предприятий", бесчисленных "Я-АО" (*Горц, 2010. С. 13*).

Учёные считают, что к середине нынешнего столетия многие виды коммерческой деятельности перейдут под контроль интеллектуальных технологических систем, это высвободит значительную часть людей для создания социального капитала в некоммерческом гражданском обществе, которое станет доминирующим сектором во второй половине века, пишет Джереми Рифкин (*Рифкин, 2014. С. 17*).

Естественно, что всё выше приведенное предусматривает необходимость новой социальной науки. Последняя, как справедливо подчёркивает В. Тарасевич, должна стать теоретической базой для адекватной социально-экономической политики, долговременной стратегии развития страны с учётом её "ключевых направлений соразвития всех сфер общественной жизни – экономической, социальной, духовно-культурной, этнонациональной, религиозно-конфессиональной, политико-правовой (собственно государственной и гражданской) в их системобразующих связях" (*Тарасевич, 2017. С. 25*).

Реалии современного мироустройства убеждают, что ни существующие социально-экономические модели, как и модели прошлого,

так и нынешняя глобализация не в состоянии развязать существующие национальные и другие мировые противоречия. Всё большее количество обществоведов полагают, что мировой потенциал роста в силу материальных, энергетических, экологических и других ресурсов ограничен и мир движется в направлении кризиса. Учёные, политики, понимая это, с одной стороны, всё больше обращают внимание на то, что любая система конечна, а с другой – на необходимость защиты национальных интересов. Это находит своё проявление в том, что растёт группа экономистов, которые опираются в политико-экономических исследованиях на национальные начала. Подтверждением этого свидетельствует повышенный интерес к представителю исторической школы в экономической теории Фридриху Листу (1789–1846), который был своего рода предтечей антиглобалистов. Постглобалистское настроение умов охватывает и развитые страны, которые разворачиваются в сторону листианского подхода. В последнее время это просматривается в Великобритании. Свидетельством чему является выход этой страны из Европейского Союза, а значит, и отход от неолиберальной модели, которой британские политики руководствовались с 1980-х годов.

Таким образом, в конце 20-х годов XXI века, как никогда ранее, возникает проблема альтернативы миропорядку, утвердившемуся в начале 90-х годов минувшего столетия. Ясно, что вернуться к прошлому миру нельзя, как и то, что будущее вырастает из прошлого, которое нельзя ни забывать, ни игнорировать. Учёные всё больше убеждаются, что для обоснования основных трендов развития будущего общества весьма важно учитывать как реально происходящие изменения под воздействием ИТР, глобализации, усиливающегося неравенства в мире, так и закономерности и причинно-следственные связи развития общества, имевшие место в многолетнем историческом прошлом каждой страны.

Выводы

1. Реалии современного мироустройства убеждают в том, что нынешняя цивилизация исчерпала свои возможности. Она построена на рыночной системе отношений, основой которой является личный интерес, а целью – прибыль любой ценой. В такой социально-экономической модели люди с их материальными, социально-культурными, защитными и другими насущными потребностями становятся лишними. Ситуация может измениться только при создании социально-экономической системы, направленной на обеспечение благоприятных условий для жизнедеятельности любого человека, занятого в общественном производстве. К таким условиям, в первую очередь, относится уверенность в гарантированном удовлетворении естественных потребностей на уровне современных достижений (среди них – продукты питания, образование, здравоохранение, безопасность, социальная поддержка, отсутствие страха за своё будущее и будущее своих детей, сохранение природно-экологических условий жизни). Это ставит поиск новой концепции мирового развития на повестку дня в качестве приоритетной задачи.

2. Динамизм развития мировых социально-экономических, национальных, религиозных и других отношений под воздействием ИТР и глобализации всех жизненных процессов требует адекватного его отражения современной общественной наукой. Реалии убеждают, что на это не способна никакая из них обособленно, в том числе экономическая теория. Противоречия между теорией и практикой в современной жизни в значительной мере объясняются методологиче-

ской несостоятельностью нынешней неолиберальной экономической теории. Нельзя искать стратегический ответ на вызовы, обусловленные переходом от простой цифровой техники к инновациям, базирующимся на комбинации технологий. Это коренным образом изменит жизнь людей, их экономические, политические и общечеловеческие ценности. В силу этих обстоятельств лишь на основе интегрального подхода к общественным наукам и выработки новой модели социально-экономического устройства и развития можно получить ответ на главные вопросы, стоящие перед человечеством: "Каким должно быть общество будущего?", "Каковы жизненные ценности и идеалы нового общества?".

3. Интегральный подход к общественным наукам даст возможность выработать: а) правовые нормативы управления мировой экономикой; б) механизмы справедливого распределения производимых материальных и нематериальных благ; в) упразднить существующие правовые, финансовые и другие рычаги и инструменты социально-экономического ограбления и угнетения народов и стран мирового сообщества, что позволит модернизировать существующее мироустройство и управление миром.

4. Выбор стратегии развития будущего общества должен учитывать основные тренды мирового сообщества, с одной стороны. А с другой стороны, он должен формироваться с учётом того, что экономический, социальный, культурный и гуманитарный комплексы каждой страны обусловлены многими объективными обстоятельствами исторически сложившимися в течение многих столетий. Игнорирование последнего в стратегии будет провальным, в чём убеждает опыт многих стран мира, в том числе Украины.

Литература

- Алее М. (1995). Экономика как наука. Москва: Наука для общества, РГГУ.
- Алпатов А.А. (2012). О соотношении права и экономики. *Государство и право*. №1. С. 67–76.
- Большевич А. (2008). Экономика права: проблемы возникновения и история развития. *Вопросы экономики*. №12. С. 60–71.
- Балацкий Е. (2006). Экономическая наука: новые вызовы современности. Мировая экономика и международные отношения. № 1. С. 61–67.
- Басу К. (2014). По ту сторону невидимой руки: Основания новой экономической науки. Москва: Изд-во Института Гайдара. 432 с.
- Бурдьё П. (2014). Формы капитала. Классика новой экономической социологии. Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшая школа экономики. 381 с.
- Горц А. (2010). Нематериальное знание: стоимость и капитал. Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшая школа экономики. 208 с.
- Гриценко А. (2008). Экономическая теория в современном мире. *Экономика Украины*. №10. С. 40–54.
- Долфсма В. (2017). Провалы государства. Общество, рынки и правила. Москва: Изд-во Института Гайдара. 256 с.
- Клейнер Г. (2004). Нанозкономика. *Вопросы экономики*. № 12. С. 70–93.
- Корнейчук Б. (2004). Созидательное благосостояние как целевой фактор. *Экономист*. №12. С. 76–99.
- Шабанова М. (2010). О взаимосвязи социальной и экономической политики: социэкономическая перспектива анализа. *Общество и экономика*. № 8–9. С. 76–93.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Соч. Т.4. С. 168.
- Поланьи К. (2002). Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Санкт-Петербург: Алетейя. 320 с.

- Римашевская Н. (2004). Человеческий потенциал России и проблемы "сбережения населения". *Российский экономический журнал*. № 9–10. С. 23–40.
- Родина Г.М. (2006). Эволюция взглядов на отношения собственности; от "старой" к "новой" экономике. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика*. № 4. С. 3–24.
- Сакайя Т. (1999). Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего. *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология*. Москва. 640 с.
- Тарасевич В.Н. (2017). Четверть века независимости Украины: актуальные контексты и императивы социально-экономических реформ. *Экономика Украины*. № 8. С. 14–28.
- Хубиев К. (2006). О проблемах научной методологии. *Общество и экономика*. № 3. С. 47–53.
- Эдвинссон Л., Мэлоун М. (1999). Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании. *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология*. Москва: Academia. 640 с.
- Ярёменко О. (2016). Противоречивое единство экономической эффективности и социальной справедливости как фактор функционирования и эволюции экономических систем. *Экономическая теория*. №4. С. 19–32.

Поступление в редакцию 04.09.2018

A SEARCH OF A NEW MODEL FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT: A PRIORITY TASK OF SOCIAL SCIENCES

Petr Eshchenko

Author affiliation: Dr. Econ. Sciences, Professor; Scientific Advisor to the Department of Economic Sociology of the Institute of Sociology, the National Academy of Sciences of Ukraine. E-mail: p.eshchenko@ukr.net

The article reveals the challenges of the present world social system, which determined the crisis of modern civilization. Particular attention is given to the scientific substantiation of the new model of socio-economic development, which is a critical condition for overcoming the crisis both in each individual country and in the whole world community. Based on the study of globalization processes taking place in the modern world, the accelerated stratification of society between the rich and poor, hypertrophied development of the financial sector, the massive introduction of "digital trade", "digital money", "exchange digital currencies", etc., the article analyzes the role of social sciences in the process of changing the society's development model.

According to the author, an integral approach to social sciences is now needed, which will become an important factor in the development of society and provide a new round of its acceleration and renewal. Interdisciplinary approach will allow a new look at many of the traditional phenomena of social life, including such categories as capital, social justice, property and others, which would overcome the contradiction between theory and practice in modern life, which is largely due to the methodological failure of the current neo-liberal theory.

Key words: crisis of civilization, global economy, digital revolution, challenges of modernity, integration approach to social sciences, model of social and economic development

References

- Alee, M. (1995). Economics as a science. Moscow: Nauka dlja obshchestva, RSUH [in Russian].
- Alpatov, A.A. (2012). On the relationship between law and economics. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 1, 67-76 [in Russian].
- Bolsevich, A. (2008). Economics of law: problems of occurrence and history of development. *Voprosy jekonomiki – Economic issues*, 12, 60-71 [in Russian].
- Balackij, E. (2006). Economic science: new challenges of our time. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija – World economy and international relations*, 1, 61-67 [in Russian].

- Basu, K. (2014). On the other side of the invisible hand: The foundations of a new economic science. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara [in Russian].
- Bourdieu, P. (2014). Forms of capital. Classic new economic sociology. Moscow: Izdatelskij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshaja shkola jekonomiki [in Russian].
- Gorts, A. (2010). Intangible knowledge: value and capital. Moscow: Izdatelskij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshaja shkola jekonomiki [in Russian].
- Hrytsenko, A.A. (2008). Economic theory in the modern world. *Jekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 10, 40-54 [in Russian].
- Dolfsma, V. (2017). The failures of the state. Society, markets and rules. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara [in Russian].
- Kleiner, G. (2004). Nanoeconomics. *Voprosy jekonomiki – Economic issues*, 12, 70-93 [in Russian].
- Korneychuk, B. (2004). Creative well-being as a target factor. *Jekonomist – Economist*, 12, 76-99 [in Russian].
- Shabanova, M. (2010). On the relationship of social and economic policy: the socio-economic perspective of analysis. *Obshhestvo i jekonomika – Society and the economy*, 8-9, 76-93 [in Russian].
- Marx, K., Engels, F. (1955). Writings. Vol. 4 [in Russian].
- Polanyi, K. (2002). The great transformation: the political and economic origins of our time. St. Petersburg: Aletejja [in Russian].
- Rimashevskaja, N. (2004). The human potential of Russia and the problems of 'population savings'. *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal – Russian economic journal*, 9-10, 23-40 [in Russian].
- Rodina, G.M. (2006). The evolution of views on property relations; from the old to the new economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika – Moscow University Bulletin. Ser. 6. Economy*, 4, 3-24 [in Russian].
- Sakajja, T. (1999). The value created by knowledge, or history of the future. New post-industrial wave in the West: an anthology. Moscow [in Russian].
- Tarasevich, V.N. (2017). A quarter of a century of independence of Ukraine: current contexts and imperatives of socio-economic reforms. *Jekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 8, 14-28 [in Russian].
- Hubiev, K. (2006). On the problems of scientific methodology. *Obshhestvo i jekonomika – Society and the economy*, 3, 47-53 [in Russian].
- Jedvinsson, L., Mjeloun, M. (1999). Intellectual capital. Determination of the true value of the company. New post-industrial wave in the West: an anthology. Moscow: Academia [in Russian].
- Iaremenco, O. (2016). Contradictory unity of economic efficiency and social justice as a factor in the functioning and evolution of economic systems. *Ekon. teor. – Economic theory*, 4, 19-32 [in Russian].